

будучи чрезвычайно затратной для городских бюджетов, приводила не только к решению ряда проблем городского благоустройства, но и к обострению некоторых экологических проблем в черте города. В-шестых, проявление социальной активности граждан в борьбе за комфортные условия проживания было характерно для западноевропейских и американских городов, в то время как в Российской Империи оно практически отсутствовало. Кроме того, решение проблем городского загрязнения являлось не столько технической задачей, сколько результатом синтеза научных, социокультурных и политических представлений о необходимости создания благоприятных и безопасных для здоровья горожан условий проживания.

Источники и литература

1. Агафонова, А.Б. Водоснабжение г. Старая Русса Новгородской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: от подземного источника к устройству городского водопровода / А.Б. Агафонова // Череповецкие научные чтения – 2013: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (6–7 ноября 2013 г.). Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. – Череповец: ЧГУ, 2013. – С. 5–8.
2. Агафонова, А.Б. Правовое регулирование и проблемы обеспечения санитарно-гигиенических условий в городах Вологодской и Новгородской губерний в 1870 – 1880-х гг. / А.Б. Агафонова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 31–35.
3. Давыдов, А.Н. Государственная политика по защите окружающей среды от загрязнения в контексте решения демографических проблем в конце XIX – начале XX в. / А.Н. Давыдов // Историческая экология и историческая демография: Сб. научных статей / под ред. Ю.А. Полякова. – М., 2003. – С. 267–285.
4. Истомина, Э.Г. Природоохранное законодательство в сфере благоустройства городов России в XVIII – начале XX вв. / Э.Г. Истомина // Историческая экология и историческая демография: Сб. научных статей / под ред. Ю.А. Полякова. – М., 2003. – С. 256–266.
5. Калимуллин, А.М. Историко-экологический подход в изучении истории города / А.М. Калимуллин // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 3. – С. 122–126.
6. Канищев, В.В. Промышленное загрязнение окружающей среды в городах Тамбовской губ. начала XX в. / В.В. Канищев // Процессы урбанизации в Центральной

России и Сибири: Сб. ст. / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул, 2005. – С. 225–237.

7. Липатова, О.В. Загрязнение рек фабричными водами во Владимирской губернии в начале XX в. / О.В. Липатова // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: Материалы межрегион. конф., Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов, 2005. – С. 95–99.

8. Любина, Т.Ю. Проблема утилизации промышленных и бытовых отходов в городах на начальном этапе индустриализации и урбанизации (по материалам Тверской губернии) / Т.Ю. Любина // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: Материалы межрегион. конф., Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов, 2005. – С. 42–51.

9. Barnes, D.S. The great stink of Paris and the nineteenth-century struggle against filth and germs / D.S. Barnes. – Baltimore, 2006.

10. Brimblecombe, P. Air Pollution in York 1850–1900 / P. Brimblecombe, C. Bowler // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. – N.Y., 1990. – P. 182–195.

11. Corbin, A. The foul and the fragrant: odor and the French social imagination / A. Corbin. – N.Y., 1986.

12. Diederiks, H., Jeurgens, C. Environmental Policy in 19th-Century Leyden / H. Diederiks, C. Jeurgens // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. – N.Y., 1990. – P. 167–181.

13. Evans, R.J. Death In Hamburg: Society And Politics In The Cholera Years, 1830–1910. – Oxford: Clarendon Press, 1987.

14. Hayes, S.P. Explorations In Environmental History / S.P. Hayes. – Pittsburgh, 1998.

15. Henze, C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823 – 1914 / C.E. Henze. – London, 2011.

16. Melosi, M.V. The Place of the City in Environmental History / M.V. Melosi // Environmental History Review. – 1993. – Vol. 17. – № 1. – P. 1–23.

17. Melosi, M.V. Urban Pollution: Historical Perspective Needed / M.V. Melosi // Environmental Review. – 1979. – Vol. 3. – № 3. – P. 37–45.

18. Smith, A.K. Public Works in an Autocratic State: Water Supplies in an Imperial Russian Town / A.K. Smith // Environment and History. – 2005. – Vol. 11. – № 3. – P. 319–342.

19. Tarr, J.A. The Metabolism of the Industrial City: the Case of Pittsburgh / J.A. Tarr // Journal of Urban History. – 2002. – Vol. 28. – № 5. – P. 511–545.

20. Tarr, J.A. The Search for the Ultimate Sink: Urban Pollution in Historical Perspective / J.A. Tarr. – Ohio, 1996.

УДК 930

К.К. Афанесян

Научный руководитель: директор филиала СКФУ в г. Пятигорске, доктор исторических наук, профессор Т.А. Шебзухова

ЭВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА СТАВРОПОЛЬЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСЛОВНОСТИ В ПРИЗРЕНИИ

В данной статье рассмотрен процесс оформления и развития повседневности общественной благотворительности на Ставрополье в контексте реализации принципа сословности в признании. Проведен анализ деятельности Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения. Подробно исследованы здания, занимаемые богоугодными заведениями Ставропольского приказа общественного призрения.

Благотворительный процесс, Приказ общественного призрения, крестьянская община, сословная благотворительность, принцип сословности.

The paper considers the process of registration and development of public charity in Stavropol region when realizing the class principle in care. Caucasus (Stavropol) order of public charity has been analyzed. Buildings occupied by charitable institutions of Stavropol order have been examined in details.

Charitable process, order of social charity, peasant community, class charity, class principle.

На сегодняшний день актуальность проблемы социальной помощи неоспорима. В ходе постоянных социально-экономических и политических перемен, происходящих на территории современной России, появляются такие явления, как: безработица, нищенство, профессиональная и жизненная неустроенность многих слоев населения. Именно это заставляет нас обратиться к изучению опыта прошлого, связанного с организацией текущей практической помощи социально незащищенным членам общества, в частности, – к примерам благотворительности и призрения.

Таким образом, изучение оформления и развития повседневности благотворительного процесса на Ставрополье в контексте реализации принципа сословности в призрении актуально с точки зрения слабой изученности, хотя процессы эти позволяют в какой-то мере восстановить единую картину гражданского реформирования как в России в целом, так и на изучаемой территории.

Регулирование благотворительного процесса на Ставрополье осуществлялось так же, как и на территории всей Российской Империи, а именно: по принципу сословности. Реформы и государственные преобразования второй половины XIX в. повлекли за собой социальное неравенство в обществе, не отменяя, тем не менее, принципа сословности в призрении.

Основной задачей власти в реализации государственной политики на территории Северного Кавказа являлась работа над упрочнением и перенесением основных традиционных отечественных социальных институтов и культурных норм. В 1804 г. создан Кавказский приказ общественного призрения как составная часть системы управления в социальной сфере. Повседневность, связанная с деятельностью Кавказского (Ставропольского) Приказа общественного призрения, на протяжении 30 лет своего существования была достаточно скудна на события. Она выражалась, в основном, в предоставлении единовременных или постоянных денежных пособий нуждающимся и в постоянной переписке с земским судом по поводу достаточно успешного розыска возможных родственников, попавших по результатам медицинского освидетельствования в поле зрения Конторы Приказа социально недостаточных элементов. Те из них, чьи родственники найдены не были, помещались усилиями сотрудников Приказа в семьи либо в заведения ближайших по территории Приказов, прежде всего, Астраханского.

Деятельность Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения в период с 1833 по 1913 гг. была направлена на традиционные для

этого российского института управления социальной помощью в регионах формами практики. Происходит прогрессивное создание заведений Приказа и осуществление через них общественного призрения. Так, в 1883 г. в г. Ставрополе открыта богадельня Приказа, за 34 года своей деятельности она дала кров и уход для 1225 человек. Согласно сведениям И.В. Бентковского [1, с. 84–85], в 1853 г. в числе заведений Ставропольского приказа общественного призрения состояли: больница, в которой «ежегодно средним числом» призревало около 300 человек; дом умалишенных, помещавшийся в одном дворе с больницей. На их общее содержание в год тратилось около 3000 руб.; богадельня – в отдельном доме, в которой в 1853 г. призревало 72 человека.

Строения, занимаемые богоугодными заведениями Ставропольского приказа общественного призрения, существовали к моменту описания их К. Бахутыным около 46 лет, и «в течение этого времени не очищались и не освежались радикально ни разу. ... Вследствие постоянного переполнения помещения для умалишенных приходится часть из них, ... которых болезнь тихого характера, помещать в больничное здание, исключительно предназначенное для больных не психических; ... самая же обстановка больных и вид помещения, напоминающая собою скорее какую-нибудь тюрьму средних веков, нежели дом умалишенных в настоящем смысле этого слова, производят на всякого приходящего буквально потрясающее впечатление и не только не способствуют излечению больных, а, напротив, усиливают болезнь и из форм болезни, может быть, излечимых, делают неизлечимыми» [2, с. 129–130].

Исследователь Н.В. Вантеев основанно связывает длительность существования на Ставрополье приказа общественного призрения с 1804 по 1913 гг., тогда как в большинстве губерний они были упразднены в 1864 г. с особенностями социальной структуры губернии [3, с. 42]. Однако не только эта особенность сыграла немаловажную роль, основным фактом длительной невозможности передачи ряда государственно-властных полномочий, в том числе и в сфере заботы о социально недостаточном населении, органов земского управления. Губерния приобрела особый административный статус, связанный с ее геополитической значимостью на Ставрополье.

В силу своего территориального расположения и особого административного положения повседневность Ставрополя предопределила даже отличия в структуре самого Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения. Если в составе Присутствия последнего, соответственно положениям Учреждения о губерниях 1775 г. [5] входили так

называемые обязательные (представители сословий) и необязательные (главный надзиратель, инспектор врачебной управы и городской голова) члены, то в подобном учреждении Ставрополя такой градации не существовало.

Присутствие состояло из губернского предводителя дворянства, неперменного члена, городского головы, инспектора врачебной управы и «особого заседателя», который представлял в Приказе власть в лице Наместника. Важной особенностью того же ряда была особая значимость в Присутствии предводителя дворянства при ничтожности полномочий представителя купечества, лишь иногда приглашавшегося на заседания. Следует отметить, что дворянство в регионе было представлено сравнительно малым числом, если сравнивать с внутренними губерниями России [4, с. 11], по численности значительно уступало купеческому сословию.

Основной статьей пополнения капиталов Кавказского (Ставропольского) Приказа общественного призрения на Ставрополье было целенаправленное и регулярное использование «кружечных денег», что, в свою очередь, являлось важной особенностью в реализации общественного призрения. Основным и наиболее эффективным субъектом повседневности благотворительности и общественного призрения на Ставрополье, большинство населения которого состоит из крестьян, стала крестьянская община. Крестьянские общины, особая крепость которых в условиях Степного Предкавказья стала следствием особенностей освоения региона, в качестве утилитарного института самоуправления, действовали на основании общих, уже выработанных в славянской культуре традиционных нравственных идеалов. Эти идеалы связаны были, в том числе, с традициями человеколюбия, взаимопомощи и милосердия.

В условиях трудностей освоения региона эти идеалы были особо востребованы крестьянством Ставрополя. Поэтому помимо адекватного «приговора» о распределении платежей и повинностей, традиционных «помочей», крестьянский «мир» опекал, фактически содержа сирот, престарелых, калек, вдов с малолетними детьми, погорельцев. Высшей формой сословной взаимопомощи у крестьян в условиях дореволюционного Ставрополя стало создание и полноценная деятельность крестьянских касс взаимопомощи в виде банков. Они создавались «приговором» крестьянской общины на основе взносов с определением размеров основного капитала, регламентацией возможных форм помощи. Ставропольские крестьянские общины в рамках российского законодательства вносили и необходимые средства для содержания своих немощных членов в заведениях Приказа общественного призрения. Через «кружечные» сборы, осуществлявшиеся в храмах, крестьяне, в качестве подавляющего большинства населения Ставрополя, опосредованно, но постоянно пополняли и основные капиталы Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения.

Особенность социальной структуры Ставрополя в XIX – начале XX вв., связанная с малочисленно-

стью и относительной бедностью дворянства, предопределила незначимость последней в истории повседневности благотворительности, по сравнению с общероссийскими традициями и масштабами. Даже в делах заботы о членах собственного сословия в плане пожертвований на создание в губернии гимназий, на выкуп офицеров из чеченского плена, ставропольское дворянство оказалось несостоятельным. Среди успешных благотворительных акций первых десятилетий изучаемого периода – лишь открытие на пожертвования ориентированной на благотворительные функции гостиницы для раненых офицеров на Минеральных Водах. В 1818 г. гостиница была передана на баланс Приказа общественного призрения. На ее содержание Приказ ежегодно отпускал проценты от суммы, оставшейся от средств, собранных на ее строительство, и переданной в казну Приказа. Но уже в 1819 г. этих денег не стало хватать. А в 1822 г. гостиница была передана на баланс военного ведомства.

Среди немногочисленных для дворян Кавказской губернии первой четверти XIX в. фактов сословной благотворительности – и сбор средств на выкуп плененных горцами офицеров. Так, например, как это происходило в 1818 г., когда по инициативе дворян и казачьих старшин была проведена подписка в пользу находящегося в плену поручика Черткова и других офицеров.

Лишь в январе 1897 г. дворянам Ставропольской губернии удалось создать Кассу помощи сиротам и бедным дворянам. Она была предназначена для выдачи нуждающимся представителям немногочисленного в губернии дворянского сословия пособий и ссуд в общем годовичном исчислении от 800 до 900 руб. Источниками пополнения Кассы стали отчисления с доходов дворян и их имений, так называемые выморочные капиталы и др.

Еще одной отличительной особенностью повседневности благотворительности и общественного призрения на Ставрополье, особенно в период с начала XIX в. и по 1870-е гг., была ярко выраженная тенденция к направленности благотворительных усилий церковных структур, прежде всего и в основном, на оказание внутрисословной помощи. Слабая представленность русской православной Церкви в регионе в первой половине XIX в., приоритет миссионерских задач, а также немногочисленность и экономическая слабость самого духовенства предопределили особые и достаточно целенаправленные действия духовенства по организации и расширению внутрисословной помощи и взаимопомощи. В центре такой повседневной и разнообразной работы находилось Кавказское Попечительство о бедных духовного звания, действовавшее под опекой Епископа и Духовной Консистории. Выдача пособий, ссуд, призрение в Иоанно-Предтеченском приюте и богадельне, организация сиротского капитала для содержания пансионеров в духовной семинарии и других учебных заведениях и материальное обеспечение сирот по их окончании при строгой финансовой дисциплине и прозрачности осуществлявшихся операций яв-

ляли собой пример добросовестной, тщательно продуманной в организации и исполнении внутрисловенной благотворительной практики, отвечавшей всем православным канонам «добролюбия».

Источники и литература

1. Бентковский, И.В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях / И.В. Бентковский // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. – Ставрополь, 2007. – С. 84–85.

2. Бахутов, К. Медико-топография и санитарное состояние г. Ставрополя / К. Бахутов // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. – Ставрополь, 2006. – С. 129–130.

3. Вантеева, Н.В. Общественное призвание на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Вантеева. – Ставрополь, 2000.

4. Краснов, М. Русское дворянство на Кавказе до 1813 г. / М. Краснов // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Вып. VI. – Ставрополь, 1913. – С. 11.

5. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 20. – СПб., 1830. – № 14392.

УДК 271.2

Р.В. Кауркин, О.А. Павлова

ЕДИНОВЕРИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКОВ

В статье рассматривается Единоверие и роль нижегородских старообрядцев в становлении и развитии данного религиозно-исторического явления. Приводятся статистические данные по численному составу единоверцев в Нижегородской губернии XIX в.

Единоверие, старообрядчество, «Пункты Нижегородских старообрядцев».

The article considers Edinoverie and the role of Nizhny Novgorod Old Believers in formation and development of this religious and historical phenomenon. Statistical data on numerical strength of co-religionists in Nizhny Novgorod province of the XIXth century are given by the authors.

Edinoverie, old belief, «Points of Nizhny Novgorod Old Believers».

Одной из мало изученных тем истории старообрядчества является Единоверие. В становлении данного религиозно-исторического феномена немаловажную роль сыграли нижегородские старообрядцы.

В конце XVIII века в России распространяется идея «согласничества» – принятие старообрядцами священства от Русской Православной Церкви при условии сохранения старых обрядов. Она находит своих последователей и на Нижегородской земле.

В 1797 г. с представлением в Святейший Синод обратился Нижегородский епископ Павел. Он сообщал, что в его епархии «нашлось до тысячи старообрядцев», желающих получить «благословенных священников». Нижегородские старообрядцы представили 14 пунктов условного соединения их с Русской Православной Церковью. Они просили: во-первых, «определять к их церквям в священники или из наличных православных священников, или же из вновь поставляемых по их выбору, или же из числа отбегших в прежнее время от Великороссийской Церкви попов». Согласно пункту 2 их просьбы, данные священники должны были служить «в избравших их приходах по старопечатным книгам, с точным соблюдением старых обрядов, не присовокупляя к себе от Великороссийской церкви других священников». В 3 пункте значилось, что «лишь святым миром они заимствовались от православных, дарами рукоположения и покаяния». «Согласнические» священники по 7 пункту должны были «исповедоваться у таких

же как они» и лишь «в случае недостатка в таковых – у православного архиерея». Церкви (храмы), по требованиям 4-го пункта «должны были тоже освящаться на древних антиминсах». До устройства же храмов священники, справляющие службы по старому обряду, как говорилось в 5 пункте, «должны были ездить с целью заготовления запасных даров» в другие «согласнические» монастыри и церкви – «где они есть». «Согласнические» священники по пункту 6 не должны были участвовать «ни в каких соборных молениях Великороссийских церквей». Православные, «знаменующиеся тремя перстами и брады бреющие» не должны были допускаться в храмы «старообрядцев-согласников», за исключением «Высочайших особ» и тех, «которые держались старых обрядов». В пункте 8 прописывалось, что на «согласнические» приходы и на их священнослужителей Духовная Консистория не должна была распространять своей власти. 9 пункт предусматривал норму, по которой православные епископы должны были благословлять «согласников» и их духовенство «не иначе как дуперстно».

Совершившие какие-либо проступки «согласнические» духовные лица должны были отбывать наказание в таких же старообрядческих монастырях и церквях (п. 10). Епитимье епископ мог подвергать и простых мирян, например, за «нерадение в деле исполнения христианского долга исповеди». Но они не должны были при этом платить «за упомянутое